

- Василий Иванович, как вы думаете, в России сейчас все же лад есть?

- Ну, что вы. Сейчас разлад как раз...

- Неужели лад потерян безвозвратно?

- Разве что он сохранился в душе. У всех нормальных людей он должен быть. Без лада в душе никак не прожить.

- Если он есть в душах нормальных людей, а будем надеяться, что таких все же больше, то он должен как-то утвердиться и в обществе.

- Боюсь, что мы этого уже не увидим. Разве что наши дети...

- Вы говорили, что Федор Александрович Абрамов показал вам, что и в те времена можно было говорить правду. Как вы считаете - сейчас правду говорить легче или тяжелее?

Василий БЕЛОВ:

«БЕЗ ЛАДА В ДУШЕ»

- Я думаю, ничего не изменилось. Все то же самое. Изменились только формы. Раньше цензура была партийная, а сейчас командует денежный мешок.

- Недавно погиб журналист Листьев. Можно сказать ведь, что он тоже погиб за слово. Или вы по-другому как-то расцениваете это событие?

- Не хочу я говорить о Листьеве... Почему вы о нем все говорите? Почему вы не говорите, например, о двух погибших монахах в Оптиной пустыни? Вы можете мне ответить на этот вопрос?

- Могу, в общем...

- Все-таки, думаю, что вы не сможете мне ответить. Дело в том, что средства массовой информации очень пристранно себя ведут. И представьте себе, что миллионы людей видят одно и то же на экранах телевизоров и, таким образом, оказываются обманутыми. Понимаете, о гибели людей возле "Белого дома" в прошлом году, где я тоже был, не говорил столько ни один правозащитник, сколько сейчас говорится о смерти Листьева. Конечно, как человека мне его жалко, жалко его детей, жену. Но я не могу принять этого шума, поднятого вокруг его гибели.

- Мне кажется, что смерть Листьева стала, что называется, последней каплей в череде смертей, убийств - массовых и индивидуальных. Притом каплей очень весомой...

- Сами же средства массовой информации создали эту атмосферу. А потом удивляются -

почему нас убивают? Вот это странно. Это неглубокий, поверхностный подход к делу.

- Хорошо, пусть будет так - журналисты виноваты во всем, что произошло в обществе. Кстати, это достаточно высокая оценка силы слова. Но где наша вина, а где беда? Многие, и не только журналисты, совершенно искренне поверили в то, что пришло время, когда можно свободно сказать правду.

- Это ложно понятая свобода. Нигде в мире никакой свободы пока нет. Ни личной, ни общественной. Она зависит либо от денежного мешка, либо от идеи, либо от партии. Нет независимых журналистов. Вы это понимаете?

- А вы ведь тоже в последнее время выступаете не только как писатель, но и как публицист, журналист. И тоже несете ответственность за то, что происходит. Вы от кого зависите?

- Как у публициста и у меня есть зависимость, и я пытаюсь от нее избавиться. А вообще я завишу от времени и от своей совести. Но ведь степень совести разная у всех людей, в том числе и у журналистов.

- Вы говорили, что верите в то, что лад возобладает в обществе. Как вы считаете, какие политические силы этому могут способствовать?

- Думаю, что сам народ должен найти в себе силы обновиться. А во все эти партии я просто не верю...

- Ни в одну?

- Ни в одну... Я симпатизировал одно время аграрной партии. У них была возможность сменить правительство, а они ею не воспользовались. Их там купили - пообещали какую-то подачку в сельское хозяйство. Вот если бы они не проголосовали за этот жалкий бюджет, Дума имела бы конституционную возможность сменить правительство. Они испугались и не сделали этого. Хотя оппозиционные силы как раз борются за смену власти..

- И вы принадлежите к этим оппозиционным силам?

- Да, я оппозиционер. Потому что я ненавижу этот порядок, который сейчас создан. Порядок денежного мешка.

- Но вы не принимали и прежний порядок...

- Я не вижу разницы между ними. У власти те же самые люди, которые действуют теми же большевистскими методами. Но хотя то хорошо, что мы

освободились от марксистской догмы, от засилья атеистической идеологии. И то слава Богу...

- А каким бы вы видели устройство России?

- Я монархист. Хотя в молодости был приверженец марксизма. Но во мне всегда жило противоречивое чувство относительно этой догмы. Теперь, когда я это осознал, я полностью отклонился от марксизма. Правда, в идее коммунизма живет отголосок нашей национальной идеи, например, общинность...

- В понятия национальная идея и патриотизм сейчас разные люди вкладывают разные значения. Вы как их воспринимаете?

- Патриотизм - понятие вполне определенное. Нет там никаких кривотолков. Другое дело, что та же журналистская братия, разные политические силы считают, что, как выразился Окуджава - патриотизм и кошке доступен. Ну, что это такое? Я склонен рассматривать патриотизм в общеизвест-

НИКАК НЕ ПРОЖИТЬ...»

ном, школьном понятии...

- Вы часто говорите о самостоятельном пути России в экономических преобразованиях. Вы вообще против всяческих иностранных инвестиций или только выступаете против того пути взаимоотношений с Западом, который избран сейчас?

- Я уверен, что Россия может вообще обойтись без всяких кредитов, всякого спонсорства. Искусственно ведь создана такая обстановка, когда нам требуются иностранные вливания. Таким образом мы попадаем в кабалу. Началось это при Горбачеве, которого я поначалу уважал, пока не увидел, что путь, избранный им, - предательский и гибельный путь! А разницы между Горбачевым и Ельциным я не видел уже тогда, когда они боролись между собой за власть. Это была одна и та же компания.

- Вы как-то говорили, что русского мужика умышленно спаивают. Кто, по-вашему, это делает?

- Это провокационный вопрос.

- Если он провокационный, я готова извиниться и его снять. Но мне в самом деле интересно знать ваше мнение.

- Я не знаю, кто его спаивает. И коммунисты спаивали, и демократы спаивают.

- У меня возникает вопрос - почему? Ведь все они выходцы из того же народа. Президент, например, и многие его ближайшие соратники родом из отдаленных, глубинных русских деревенек.

- Они же продажные, ну что вы...

- Но они же не враги сами себе.

- Вы хотите сказать, что народ сам виноват в том, что пьет?

- В данном случае я ничего не хочу сказать. Хочу понять - кому это надо?

- Господи, Боже ты мой! Вы же не наивный человек, вы же журналист! Вы должны знать хотя бы закон, принятый американским сенатом по поводу порабощенных наций. Почитайте этот закон, он публиковался. И сравните, что говорил Даллес, что говорил Гитлер и что говорит Киссинджер. Никакой разницы в их рассуждениях нет относительно русского народа. Но когда их разоблачают, то это разоблачение называют русским фашизмом. Понимаете, какая демагогия? Мой отец погиб на войне с фашизмом, теперь мне преподносят такую новость, что якобы русские склонны к фашизму. Чуть ли не какая-то!

- И тем не менее люди, открыто называющие себя приверженцами фашистской идеи, свободно с повязками появляются в самых различных общественных местах...

- Они созданы специально... Вы что, считаете, что трудно их арестовать, что ли? Кому-то из демократов они нужны. Как Дудаев был нужен Ельцину, чтобы усидеть в кресле.

- У вас очень пессимистический настрой...

- Как ни странно - нет. Если, конечно, не будет продолжаться бойня типа чеченской.

- А если будет продолжаться?

- Это было бы ужасно. Но тогда многим пришлось бы брать в руки оружие. Ездил недавно к сербам и позавидовал им - они воюют за свою независимую родину. И никого не боятся.

- Может, я наивный человек, как вы говорите, но в кого стрелять?

- Но что делать, если Россию пробуют уничтожить? Почему вы делаете вид, что ничего не происходит? Разве не понятно, что независимости России угрожает реальная опасность?

- Просто я не могу представить, как можно разрешить эту проблему с помощью оружия...

- Оружие - это крайний выход. Но если другого не будет...

- Сейчас вас что-то радует в нашей жизни?

- Радует то, что народ поворачивается к христианству, к Богу. Есть у меня ощущение, что нам помогут высшие силы...

Беседавала Светлана ЛОЙЧЕНКО, "Правда Севера".